

А. Величанский

**ВРЕМЕНИ
НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ**

А. Величанский

**ВРЕМЕНИ
НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ**

Стихотворения

Москва
«Современник»
1990

ББК 84Р7
В27

Рецензент А. Медведев

Величанский А. Л.

В27 Времени невидимая твердь: Стихотворения. – М.: Современник, 1990. – 207 с.

ISBN 5-270-00892-0

В 60-е годы в «Новом мире» Твардовского появилась обратившая на себя внимание читателей подборка А. Величанского. А вслед за этим вновь открытый поэт «исчез». На то время, которое принято называть застойным. Изредка о нем напоминала лишь ставшая популярной песня «Под музыку Вивальди».

Произведения Величанского, ориентированные на классичность, но при этом не лишенные черт модерна, состоят как бы из едва уловимых звуковых, зрительных и смысловых нюансов, они как бы сотканы из них, запоминаются изысканно-прихотливым исполнением, тонкой, так и хочется сказать – «ручной» работой. Лейтмотив книги – соотносённость мира природы с духовными устремлениями человека.

В $\frac{4702010200-005}{M106(03)-90}$ 165-90

ББК 84Р7

ISBN 5-270-00892-0

© Издательство «Современник», 1990

ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ

* * *

Вспыхнет молния одна:
на подрамнике окна
нарисует дом, ограду,
два соседних дома кряду,
человека под водой:
он бежит через природу —
он уже немолодой,
но бежит и ищет броду
и погаснет с наступившей темнотой.

ДУБЫ

Дубы бодучи – вот что! –
аж листьев не хватает это скрыть,
и выражение коры
у них морщинистое, серое и волчье.
Дубы к тому же индивидуальней
других деревьев – это уж совсем
из рук вон плохо с точки зрения повальных,
незрелых, одинаковых осин.

ВОДОПАД В ЧЕРКЕССКОЙ ДОЛИНЕ

Вода, как кошка, падает на лапы,
хоть кошке показалось бы нелепым
сравнение это, а вода
есть ею ставшие прошедшие года:
как знать, что ей казалось прошлым летом,
во что ей верилось тогда.

ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ

Стерлась времени невидимая твердь:
через травы, временно безлюдные,
Боголюбову едва ль теперь видней
Нерль, чем Нерли видно Боголюбово.

А на насыпи пустое полотно
между ними – поровну видно.

АВГУСТ

Ночь крупна! И млечная дорога
означила печально ранний час,
когда огромные прозрачные коровы
исчезли, за ограды просочась –
пахучие и сочные коровы... Далеко
плывет, плывет, качается, сочится лай собачий,
и реют призрачные дети вдоль обочин,
пока не выгонит лесок из чащи ночи
луну, исполненную белым молоком.

А русые метели
на саночках летели,
на расписных на саночках
невиданной красы,
ах, в расписных косыночках
на саночках косых.

Их колокольцы звякали
и окликали всякого:
коллежского асессора,
гусара, мужика,
вельможу и профессора
в сугробе парика,

и девушку дворовую,
и деятеля правого,
и барыню с лакеями,
и Пушкина с пером –
никто не знал, откедова
метели мы берем.

С Крещения до Масляной,
весь пост великонравственный
скакали кони в пене,
оскалясь на мороз,
иль это вдохновение
из наших душ рвалось?

УДЕЛ

* * *

Крепчайшую вяжите сеть,
но бойтесь умысла, улавливая суть
(у истины запаса нет съестного:
у истины судьба – на волоске висеть).
Пусть вытекает слово,
как море из улова,
забыв свою оставшуюся сельдь.

ДЕТСТВО

Нагревается белый кафель.
Там за кафелем – наш картофель
зашипел... На зеленой стене –
наши трещины в старой краске:
горы, головы, войны, сказки...
И окно начинает синеть –
становиться все гуще, гуще...
занавески слипаются... Вмиг
исчезает из печки пища,
исчезают из комнаты вещи –
вещь за вещью... и даже спящий
навсегда исчезает в них.

* * *

Покой? Запомни хоть такой,
когда кружились над рекой
древесные крутые кроны,
и неземные ив поклоны,
и чащи внутренний покой,
льняных полян цветные складки,
полей глухой переполох
и сеновал, густой и сладкий,
в котором сенокос заглох,
всю деревянную деревню,
чужую тучу за бугром,
и горизонта видимые гребни,
и тишина: как в летописи древней –
мы жили здесь и здесь опять умрем.

* * *

На жалком теле фитилек –
летает смертный мотылек,
и огоньком полета
его сжигает кто-то.

Летает в поле мотылек,
и утоляет уголек
его слепого тела –
пространства и пределы.

Куда как мал и недалек,
ежесекундный мотылек,
что за собою ты повлек,
охваченный полетом,
как луг с его болотом,
как лес и дол и неба потолок?

* * *

Волн качаются весы.
Дна качается завеса.
Вот уже коснулся леса
звук летающей осы.
От береговой косы
до полднего курорта
всё идут влоборота
дюн песчаные часы,
будто их туда завел, запутал кто-то.

Бездонный дождь на улице бездомной.
Зачем встречались сумерки на ней?
Зачем встречались люди и безмолвно
шли – каждый по отдельной стороне?

Была, быть может, некая надежда,
ну, где-нибудь на улице другой,
и дождь стоял слепой преградой между
прохожим и надеждой дорогой?

Но даже если не было надежды,
как у дождя – ни проблеска, ни дна,
то все ж она была когда-то прежде
надежда сокровенная одна.

* * *

В Перове стояли дымы.
И дым, состоящий из тьмы,
блистал под луною своими пустыми боками,
как столп соляной, как колонны шлифованный
камень —
вот так исчезали из нашего прошлого мы.

Так душ неизбежная связь,
что правит житейским содомом —
она исчезает, вясь,
как дым между небом и домом.

ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ

1. Воспоминания о смерти

* * *

Вне душ. Вне вех. Прошел тот век,
что рифмовался с человеком.
И мы живем уже поверх
того, что было нашим веком.
А в этом умираем без помех.

* * *

Наш век жесток и в верованьях крут.
Но даже в нем хотелось бы остаться,
когда по нашей улице идут,
окончив подневольный труд,
красавицы и святотатцы,
и между ними там и тут
все дети кружатся, выкрикивая святцы.

Я бы жил совсем иначе.
Я бы жил не так.
Не бежал бы, сжав в комочек
проездной пятак.

Не толкался бы в вагоне,
стоя бы не спал.
На меня б двумя ногами
гражданин не встал.

Я бы жил в лесу усатом,
в наливном саду
этак в тыща восьмисотом
с хвостиком году.

И ко мне бы ездил в гости
через жнивь и гать
представитель старой власти
в карты поиграть.

* * *

Когда на вас навалится зима
всей беспросветною декабрьской тьмою,
возьмите черный том Карамзина:
что в нем заложено кровавою тесьмою? –

все те ж снега с прорехой зорь,
дымок жилья у волка на примете,
всея равнины самодержец – ветер
да слез морозных кристаллическая соль.

Быть может, вам пригрезится тогда:
декабрь и есть декабрь – и никогда не минет
его незрячий ветер на равнине
да золотая зорь его орда.

Вот и снесли тебя, вот и снесли,
дом, где я вырос из старой земли,
будто и впрямь доказать захотели,
что меня не было на самом деле
там за годами в густой тополиной дали.

Нет ни сараев твоих дровяных,
ни раздиравшего душу бурьяна,
нету ворон, что зимою багряной
вместе с деревьями оголены.
Поздно жалеть, раз уж прежде жалеть было
рано.

В этих стихах остаются холодные сени,
где половицы косят, под извечный скрываясь
сундук,
стол под истлевшей газетой,
оконце с погодой весенней,
лестница с плачем насилу ведущая в сени,
наших шагов по которой спускается стук.

Низкие комнаты жмутся к нагретой печке,
есть на заслонке чугунной забытого века
клеймо,
окна зимой на заре оплывают, как сальные
свечки,

вечер, и в комнате, словно в грядущем,
темно.
Вот и снесли тебя, теплая, детская вечность.

Плачь, человек:
обесцветило время глаза!
Плачь, человек: надломилась спины
крестовина!

Плачь, человек:
ты не в силах об этом сказать –
плачь и рыдай
над молчанием непоправимым.

2. Полуслово

* * *

Жил да был боярышник
у житья на воле.
Даже был пятерышник
в своей кирпичной школе.

Боярышник, боярышник
д'нас не хватит на год:
больше нет, боярышник,
сафьяновых ягод.

СНЕГОПАД

Закат за осиновой сетью померк.
И лед выступает дыханья поверх.
И яркая щель, что ведет в магазин
все ярче – с исходом небес и осин.

И снег заскрипел высоко в небесах
и падал потом, попадая впросак,
как в чашку лохматую сахар-песок –
исчез на губах, на ресницах просох.
Озимые люди по избам сидят.
Спасибо, соседи когда посетят:
ведь время – не сахар, и сердце – не лед,
и снежная баба за водкой идет.

* * *

Нет, лучше уж октябрь –
отчаявшийся, грязный:
он горевал хотя б
над жизнью безобразной,

пустую глину ел
и воду пил из лужи.
А снег уж слишком бел,
жесток и равнодушен,

как будто из забвения он к людям прилетел.

* * *

Царского Села
рисованная арка.
Посиневший влажный снег
у подножья парка.
От вчерашней стужи – ни следа,
и деревья дочерна прогоркли,
и стоит прозрачная вода
по следам оттаявшей прогулки.

Летней ночью все невнятно:
листьев паюсные пятна,
мышь летучая окошек
растопырила крыла,
двор пустынный белой тенью перекосен.
Все существованье облегла
полутень небытия пустого –
полусвета полумгла,
что понятна только с полуслова.

* * *

Ночью город сам не свой.
И по тусклой мостовой
человек идет единственный куда-то.
За высокими домами тлеет лето.
Тени тянут.
Реки тонут.
Ночь темнит.
Но с востока веет тополью рассвета,
и редет электричества гранит.

* * *

В ночи колыхалась гроза.
Она подбиралась неслышно,
и было: при первой же вспышке
вскочили деревья, спросонок зажмурил глаза.

Качнулась стоячая тьма. Замигала.
Каменьями с неба посыпались в город дома.
Вскочили деревья. Качнулась испуганно тьма.
И град фонарей застучал в темноте
вполнакала.

В ночи колыхалась гроза.
Безмолвие было истошным.
И в воздухе, связанном в узел удушья,
кривились мучений забрезжившие голоса.

ВОСПОМИНАНИЯ О СУЩЕМ

* * *

Научусь тебе, мгновенье:
ты – последний медный грош –
позади одно забвенье,
и в забвенье ты уйдешь.

Неразменный миг отрады,
и мучений вечный миг,
и еще чему-то надо
научиться мне у них.

* * *

Ты прости моим словам.
Я твое дыханье слышу.
Дождь трепещет, данный свыше
потемневшим деревьям.

Сада смутную красу
дождь тишайший не пугает:
я ведь теми же губами
это все произнесу.

* * *

И вдруг она покинула меня,
на миг один с листвою смешавшись павшей.
Был ветер, волосы ее едва трепавший,
и был октябрь на исходе дня.

Она мелькнула в обнаженной чаще,
где водоросли дерев прозрачны и стройны,
и ослепленный близостью щемящей,
я не узнал ее со стороны.

* * *

Не заходите в березняк,
когда затих его сквозняк,
и листьев серая труха
лежит на дне березняка,
когда чуть теплится денек
в берестяном его дыму:
он тоже слишком одинок
и не до вас теперь ему.

* * *

Столько нежности сжалось во мне,
столько горькой тоски по тебе я вобрал
в свою душу,
что порой удивительно даже,
как ты можешь еще оставаться вовне,
как ты можешь еще оставаться снаружи –
на чужбине ноябрьской стужи,
на бульваре пустом с ледяною скамьей
наравне.

* * *

А если вправду только грусть
нас с мирозданием роднит,
пусть утолит молчанье уст
холодной осени родник:

октябрь догорит дотла,
природы кончится полет,
и наши бранные тела –
тепла последнего оплот.

* * *

Твое дыхание все призрачней и тише –
сейчас и я усну тебе вослед.

Ты рядом теплишься, чуть видишься и дышишь
и ты, двоясь, приснишься мне во сне.

Жилья чужого глохнут водостоки,
чужой рассвет за окнами затих.

Мы никогда не будем одиноки –
ни наяву, ни в страшных снах своих.

* * *

Тяжелый снежный лес
в слепящей белой пене
от солнца спрятал тени
и в глубине исчез.

Там столько лет подряд
стволы стояли прямо.
Следов лосиных ямы
там в зарослях стоят.

Там тише тишина,
черней под снегом хвоя,
и ветка над тобою
качается одна.

* * *

Быстро блекнут зим покровы:
то декабрь, то январь.
Почернел закат багровый.
Дом зажегся, как фонарь.

Но в глуши небес румяных
наши ночи хороши:
бесконечны, постоянны,
как бессмертие души.

* * *

Если все открылось разом,
то чему благодаря? –
над морозом, как над газом,
розоватая заря:
все детали отличатся,
пропадавшие зазря –
станет ясно: это счастье,
утро, проще говоря.

Навсегда увидим мы:
в толщах крыш стоят дымы,
и над нами, и под нами –
осчастливлен снег тенями –
ласковым касаньем тьмы.

* * *

В ней спокойствие есть молодое –
оболочка смятений и снов,
но внезапно взлетят ладони,
губы выгнутся силой слов –
вся вперед подается, сияясь
проясниться сквозь эту гладь, –
и потом стихает опять:
только глаз остается вырез.

* * *

Ты умеешь чувство придержать
и прикрыть чуть подведенным веком.
Удается многоводным рекам
неподвижно блестящая гладь –
и порою легкий ветер вспять
тянет их течение со смехом.

* * *

Мне хочется не красоты пустычной,
но чуда, перешедшего за край:
искусство, не старайся, не играй,
но лишь услышать ей возможность дай,
когда я крикну ей, еще такой вчерашней:
родная, сжался! Видишь, как я стражду –
не говори так буднично и страшно,
не привыкай ко мне, не привыкай.

* * *

А в женской мысли, нежной и незрячей,
я смысла никогда не замечал:
она, как огонек жилья горячий
в ночи без окончаний и начал,
она любого смысла легче –
не различить ее и не отвлечь:
ночами так округлы плечи
и нечленораздельна речь...
и вечный мрак вокруг женской мысли вечен.

* * *

Случись со мною сказка,
чтоб шелковый клубок
катиться до развязки
передо мною мог.

Но вот уже калитка –
искомый терем, сад...
И остается нитка,
ведущая назад.

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

* * *

Мы поедem без билета
в убывающее лето.
Пассажиpов сквозь газеты,
как сквозь сито, потрясло.
Оттого в пустом вагоне
никого сегодня нету:
на платформе, как в июне,
пусто: пусто и светло.

* * *

Летом из холодной печки
пахнет стужею и сажей.
На плите неразогретой –
полстакана молока,
пачка соли, нож и спички
и еще комок бумажный
из засаленной газеты
от январского денька.

* * *

Только летом, только летом
есть в году такой пробел:
перед зеленью и светом
слабый сумрак оробел.
В эту пору, в эту пору
свет всеобщий, мрак – ничей.
Это тот пробел, в котором
катятся черемух горы
в прорубь черную ночей.

* * *

Деревьев новые овины
прикрыли день наполовину.
Вблизи от зарослей малины,
явившись призрачно и вдруг,
стоят огромные люпины
и озираются вокруг.

* * *

Был ли каждый Божий миг
мал, как мотылек?
Иль, как небо, был велик
и, как даль, далек?

Уместился в коробке
спичечном моем –
иль, как камушек в реке,
мир исчезнет в нем?

ПЫЛАЮЩЕЕ ОЧЕРТАНЬЕ

* * *

Гасите верхний свет – и со стекла
житейские живые отраженья
исчезнут. И декабрьская мгла
во мраке электрического тленья
за окнами предстанет без движенья,
неощутимая для жалкого тепла.

* * *

Не глупая игра в лото,
где цифры совпадут едва ли –
нет, неожиданность есть то,
что мы всю жизнь невольно ждали.

А потому не сочиняй,
не фантазируй своевольно –
и так живем мы невзначай,
и с нас случайностей довольно.

* * *

Сгорела ветвь дотла.
Но ты б еще смогла
на миг бывшего прорастанья
пылающее очертанье
увидеть в сполохах тепла,
и, отстранясь от ключев дыма,
заплакать неисповедимо.

* * *

Выходи на воздух вешний –
в нем развешаны скворешни,
все в нем видно до листка
и невидима тоска
за прозрачностью кромешной.

* * *

Это легкость паденья,
что совсем не легка:
ожило притяженье
и земли и стиха –
столь весенняя легкость,
что того и гляди
очевидностей пропасть
разорвется в груди.

* * *

Декабрьский снег – напоминанье.
И все ж за ним не уследишь
в застенке дня. И сумрак ранний
наполнит улицы до крыш,
сольется с облачностью низкой...
Сойдутся годы близко-близко,
как эти два прохожих странных
у вновь расклеенных афиш.

ВО СПАСЕНЬЕ

1. Во спасенье

* * *

А ты, мой ангел во плоти,
еще за то меня прости,
что я тебя – земную –
небесной именую.

Нельзя ж пред женщиною ведь
безжалостно благоговеть,
а ангелов тревожных
жалеть никак не можно.

Я не приду к тебе домой –
душа твоя и так со мной:
таит проникновенье
такое отдаленье.

А если не простишь, пойму,
что ты осталась в том дому
у окружной дороги,
где зимы-недотроги.

* * *

Я женщину эту люблю, как всегда.
Она же, как прежде, как встарь, молода,
хоть смотрит большее, хоть помнит о том,
что я ей шептал зацелованным ртом.
Я женщину эту люблю, как всегда,
хоть вторник сегодня, а завтра – среда,
хоть спали до света – да снова темно,
хоть, может быть, нет нас на свете давно.

* * *

Тоньше, тоньше жизнь с годами,
тоньше посвиста птенца.

Что не ждали, не гадали –
все свершилось до конца.

И когда необходимо –
стану я пред грозный суд,
все посмотрят сквозь и мимо –
не осудят, не спасут.

* * *

Потаенную жестокость
в женском сердце не жалеи.
Потаенно и жестоко
преклоняйся перед ней.
Ты не знал ее до срока
или знал едва-едва –
безвозвратно, одиноко
сохрани ее слова.

2. Живая ограда

Памяти моего отца

1

У всякого – своя полынь.
Всему – своя полынь.
Простимся ныне навсегда
и сразу отболим.
У всякого свой сонный мак.
Всему – свой цвет и сон,
былого хлеба лебеда
и свет, и мрак...
и всё.

Прощай, шиповник и жасмин, и навсегда
прощай, смородины колючая ограда,
крыжовник, яблони в цвету, и навсегда –
рябина и береза у ограды.

Прощайте, ирисы, тюльпаны, водосбор,
пионы, лилии и флоксы, и навеки –
большие маки... и огромный мир,
давящий на смородинные ветки.

Живая ограда
живет до поры.
Под снежные груды
уходят дворы.

Над твердью могильной
летят под уклон
раскосые крылья
окрестных ворон.

То ветер на свечку
слетел с высоты.
И в зимнюю спячку
впадают кусты.

Смородинных веток
тончайший узор
не сдержит вовеки
подобный напор.

В дому запоздалом,
в древесной тиши
не стало, не стало
теперь ни души.

Вкруг жизни, вкруг сада,
его детворы –
живая ограда
живет до поры.

Провал и безпорье и дыра,
в бессмысленном пространстве злая точка –
преображенье завтра во вчера,
когда цветок узнает точно,
что восходить ему пора,
когда почует срок тугая почка,
когда трава надумает встать,
а птицы – время точно обозначить.

Мы вновь приедем в этот дом,
построенный его трудом.
Там сруба запах сладкий
и сад его посадки.

И по следам его следов
тропинкой узкой вдоль кустов
рябины черноплодной
пройдем мы в дом холодный.

То будет осенью: денек
сентябрьский будет одинок,
как эта тропка лисья,
смешав следы и листья.

Крылечко скрипнет. Стукнет дверь.
И одиночество теперь
в бревенчатом затворе
уже почти что горе.

Так выйдем в сад повеселей:
следы и листья на земле,
и каждое растение –
его помяновенье.

В саду становится видней,
насколько крепче и вольней,
чем наш удел непрочный,
дыханье этой почвы.

Деревьям ли мерещится война?
Земле ль понять людские разногласья?
Судьбе-молчальнице видна
земля, исполненная ясного бесстрастья:
ее парные зелены,
наплывы или удаленья,
в беспечности ее огня –
рачительное тленье...

И углубляясь в грунт на штык,
побег грядущий прививая,
вне человеческой суеты
мы в этом мире пребываем.

Тропинка малая в клубничной толкотне,
впитавшая в себя песок и гальку,
сама вернется поутру ко мне,
сама вернется поутру ко мне,
какою б я не обернулся далью.

В лесу сиротливом
есть высохший пруд.
Лопух и крапива
на взгорье растут.

Лопух и крапива –
жителей сорняк –
в лесу сиротливом,
где хвоя да прах.

Не знает окрестный
заброшенный люд,
чей век безвозмездный
окончился тут

и чье здесь когда-то
дымилось жильё,
куда без возврата
исчезло живьем.

В лесу беспечальном
поляна и пруд
нечайно, случайно
на вас набредут.

Былого истома,
томление лет –
те вязы вокруг дома,
которого нет.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ДУША

Посвящается В. А. Севрюгину

* * *

Бывает всякое: сентябрь бывает, май.
Сентябрь, пайщиков своих пересчитай –
всех садоводов, их детей и их собак –
ясны их тени в облетающих садах.
А впрочем, нет – пускай безоблачно-пестры
во всех садах горят деревья и костры,
и мальчик на большом велосипеде,
как маятник: качается и едет.

* * *

На этой теплой травянистой льдине
по морю дальнему осенних зорких дней
плыву, и ветер гнется в паутине
(куда нам плыть – не решено доньше;
но есть еще решения на дне),
один – никто меня не сыщет, не покинет –
со всеми я наедине.

Был последний летний день, и оттого
так отбрасывались тени от него,
будто птицы ни с того и ни с сего
вдруг шарахались от крика своего.

Ты готовился об этом вспоминать
и в забвенья нотную тетрадь
заносил затишье – каждый звук
был лишь сердца запоздалый стук.

ПОСТОЯНСТВО

Всего важней для мудреца,
чтобы закат всегда был слева от крыльца.
Есть постоянство, что упало с неба:
куда ты слепо не свернешь,
всё сердце остается слева
от тех минут, которых не вернешь,
от яблони, от полдня, от напева.

Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Я научился плавать – знаешь где? –
в эгейской одиссеевой воде,
да, по которой плыл к своей беде
царь Агамемнон в наказание –
и ветер нес обрывки кос Кассандры –
кликуши, а на Патмосе пророк
лежал ничком. Пророческая пена –
предтеча будущего пепла
теснила берега ребяческий мирок.

...Два дюжих югослава, раскачав,
меня в прибой швыряли, и волна мне
помочь старалась выбраться на камни,
еще чуть теплые сначала, сгоряча.

Неподалеку от Афин,
в воде не чуя огненного сплава,
узнал я, что уметь плавать
в том, что плывешь один.

ПОЛНОЧЬ БЬЕТ

Стучится сердце в гул пустот,
едва ли внятных мне.
И если даже сердце бьет,
я слушаю извне.

Куда летит далекий стук,
гудок товарняка –
не распознать в ночи на слух
наверняка.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Где леса осенние не добры, не злы,
солнечных деньков перебирая четки –
треск сорок, потрескиванье пламени, листвы –
остовы дерев гляжу – серебряные, черные
или лиловатые, иль с празленью камней.
Языками лиственниц ельник полыхает.
И пылится паутины захудалый клей,
умывальный затянув: листвой он полн до краю.

Ночью зримой в паузах меж причетом
собак –
под созвездий чистой, явственной стезею
слышно будто капли, капли падают во мрак:
это рвутся вены листьев клена, холодея.

В них еще осталась кровь тяжелая поднесь,
но, иссохнув, плоть листа сдержать ее
не в силах,
и звучат разрывы этих маленьких сердец
в тихих звездных паузах перебранки псиной.

Печь топите вечером, когда в окне синё
(В основанье пламени есть синь такая
ж точно),
свет не зажигая, смутно думая свое
в колыханье отсветов, в их самом средоточье.

И когда согреваются глина и кирпич,
жар лица к хладяющим стеклам обращая,
слушайте, как дышит жар обуглившихся роц,
отрешась от радости, не то что – от печали.

Именно поэтому: языком костра,
 сим глаголом пламенным ты овладела
вольно –
 мне хотелось взять тебя в этот мир, сестра,
 в этой поздней осени холод полноводный.

Именно поэтому: на ветру утрат
 дымом застит пламени жгучие воззренья –
 мне хотелось взять тебя в этот мир, сестра,
 где огонь и вправду греет – хоть
на воскресенье.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ДУША

Мне кажется, душа
не видит после смерти.
Иль видит по-иному, не спеша:
меж оболочек эфемерных

не бьется каждый миг,
как бабочка ночная,
а невзначай проходит среди них
и ничего не видит – просто знает

все сразу. Но едва ль
возможны здесь детали –
так в полной тьме и близкое и даль
сошлись в одно, чтоб мы их не видали.

Как мы не видим – так
глядит сей взор высокий.
А смерть сближает в очевидный мрак
все удаленья – расстоянья, сроки.

ЧТО Ж ТОТ ЧУДАК

Что ж тот чудака,
что в смертный час Помпеи
ловил руками падавшие камни
и перебрасывал с ладони на ладонь,
как мы подчас картофель испеченный? –
мир пеплу своенравному его:
из горожан, проснувшихся в то утро,
никто его искусства не заметил –
они ведь даже гибели своей
в тот ясный день путем не разглядели.

ПТИЦЕЛОВ

Жил в Ирландии ирландский поэт
в башне сизой, где сова не поет.
Птицеловом был: не птиц, а полет
он ловил паучьей сетью чуть свет.

Он был Гамлет из хорошей семьи –
кто католик в ней, а кто патриот,
кто фанатик, а кто нытик, и вот
стал он Гамлетом себя посреди.

На бутылках он любил ярлыки,
этикетки, пробки, пленку свинца,
он любил, чтоб расходились круги
от упавшего в ладони лица.

Он был истиной нагой умилен –
не одеждой лживой ах в кружевах –
под чулками, под укромным бельем,
где под мышками пушок рыжеват.

Миновали молоко и латынь,
Августин, иезуиты, запой –
дальний Дублин от зари золотым
одеялом укрывает прибор.

Он спустился с парашютом в Париж,
там, где в Сене протекает абсент,
где художник ловит отблески крыш
тем, что явно начинает лысеть.

Он показывал жене Нотр-Дам,
Тюильри и Лувр и Пале-Рояль,
в лимузине по Монмартру катал,
где убили госпожу де Ламбаль.

А Ирландия плыла по волнам,
и вдали качались мачты аббатств,
тех, к которым он ее ревновал –
он создаст ее по-новой, Бог даст.

Он был Гамлет, но его не вернешь:
он до Англии добрался, и там
обезглавлен не был – не по летам.
Видно грамоту подделал он все ж.

Он предпринял путешествие в смерть
и назвал ее всей жизнью, да: всей.
И в паучью Пенелопину сеть
возвращается всю жизнь Одиссей.

...Но напев – напев он не одинок:
со звучаньем смысл венчается – речь
уплывает – беспечальный челнок
по волнам круглей цирцеиных плеч.

ВОСХОД СОЛНЦА

Кончалась ночь – утех? – утех.
Но есть поверье вот:
один увиденный восход –
один прощенный грех.

А потому, а потому
скорей смотри в окно,
и там, где было – все одно! –
ты не увидишь тьму.

А если вместе поглядим
его издалека,
то хоть восход – один? – один,
простятся ДВА греха.

* * *

Страшись однажды в душу к ней войти,
как входишь в город древний на пути,
исполненный сегодняшнего блеска,
не замечая средь красот жилых
руин, оставшихся от храмов поднебесных,
хоть, может быть, ты сам разрушил их.

* * *

Не век глядеть нетленно
и отражать, блеснув,
слепого вождельня
чужую кривизну –
и кто-нибудь согреет
когда-нибудь, дай Бог,
твой влажный и серебряный
зеркальный холодок.

МОЛЧАНЬЕ

В одной балладе, что поют под банджо
у смеркшихся амбаров Арканзаса,
все происходит так же безнадежно,
как в жизни, что уходит нараспев.
Был человек на улице зарезан,
но люди убегавшего убийцу
со мною спутали, и я к утру был связан,
хоть не сопротивлялся, и шериф
сказал: «Без алиби спастись ты не надейся»,
но я молчал, поскольку тою ночью
я был вдвоем с женою друга детства –
да, в их постели, Господи прости.
Вот так я стал убийцей и воочью
увидел казнь свою однажды ранним утром,
стал мертв бесповоротно и навечно.
И десять лет она о мне грустит.
Ночами непогожими за хутор
она уходит на мою могилу,
и низкой шалью голову закутав,
стоит подолгу около меня.
Не плачет. Ни слезы не проронила
за десять лет – все думает упорно:
она свое молчанье схоронила
под этим камнем. Бедная моя! –

молчанье сохранится в преисподней,
как сохранилась эта вот баллада,
и вот ее поет твой муж исконный
на склоне утомительного дня.
А что еще для вечной жизни надо?

РЕЧИТАТИВ

* * *

Сам сына одного лишь нажил.
И того потерявши совсем,
за короткую молодость нашу
поднимает гранитную чашу
бессердечный старик Одиссей.

* * *

Отдайте море всем ветрам на слом!
Судьба волос твоих еще коснется.
Младенческой душе еще не снится,
как тесен мир между добром и злом.
Ударь, гребец, по глубине веслом!
И знаешь ли, хитрец голубоокий –
в Элладе даже зло творили боги,
чтоб люди говорили: поделом.

* * *

Эллада. Первое виденье.
Скалы отвесное паденье,
и зелень вод насквозь видна.
Над нею – ржавый корпус судна,
потопленного немцами до дна.
Эгейский ветерок.
Далеких гор рисунки.
И страхом детства грудь моя полна.

* * *

Гляди того потонем —
ему и горя нет.
Нам всю слепотою
циклоп глядит вослед.
Не нимфы, не наяды,
а видит нас, застыв,
Медузинога взгляда
холодный объектив.

* * *

Из-за тебя мы погубили град.

Ты – Немезиды дочь, но, впрочем, кто
не сын ей?

Нет, ты была дика, как виноград,
и как вино – прозрачна и невинна:
вина прозрачный ток размерян, тих,
покуда не достигнет уст людских.

* * *

Пусть звучанье будет хоть
легким, словно твой уход,
легким, словно твой укор,
пусть дерев античный хор
нам, как водится, подскажет
крон слетающую тяжесть –
легкость сучьев, листьев, спор.

Бороды твоей монисто
и чело склонились низко,
и скитаний дальний вид
тяжко веками прикрыт.
Волны пляшут, приседая.
Цену славы и молвы
знает грудь твоя седая,
знает пепел головы.

* * *

Бесплотно время, говорят.
Но звезды только в нем горят.
Надеюсь я, что плотью лет
наполнил пустовавший след,
мелодий сих речитатив
в косматый мрамор воплотив.

ПОМОЛВКА

* * *

Близ слез, близ вереска, близ чаек
стояла церковь, и ее –
ее бывало посещали,
но бури делали свое:
сползались дюны все теснее,
порос песком прибрежный храм –
рассталась церковь с бурным небом:
Бог стал доступен лишь пескам.

* * *

Обкатанный веками –
почти что невесом –
я – говорящий камень,
который знает все.
Но все бурмотанье,
уж лучше б был я нем:
заветнейшие тайны
как раз известны всем.

* * *

Гудят в клавесине
древесные соки
деревьев красивых,
деревьев высоких,
дерев поднебесных,
деревьев подземных –
о, плавные песни
их листьев последних.

* * *

Безбрежна надежда
кораблекрушенья –
она безутешна,
ослеп ее взор:
и хоть до причала
так близко, но жертве –
но жертве отчаянья
нужен простор.

* * *

Миг солнечного вечера
зимой во мгле домов.
Поддерживают вечность
столпы его дымов.
И все полно значения,
и ничего не жаль,
и деревья начертаны
на небе, как скрижаль.

* * *

Весною тают ангелы.
Как лихорадка, сух,
и вязок, словно тайна -
тополиный пух
ползет, клубится, носится -
пролаза, вертопрах -
он раздувает ноздри,
он весь - ресниц размах.

* * *

Берег побелел, иссох.
Высохли крушений доски.
Глыбы волн, упав в песок,
стали – вот: водою плоской.
По змеиному шипя,
отползает вал, и что же? –
остается чешуя –
бури сброшенная кожа.

* * *

Тяжел июльский пух
и прах метельный тяжек –
сердцебиений двух
не связан унисон.
Но тяжесть хороша,
невыносима даже –
свинец карандаша,
как осень невесом.

* * *

Зима не имеет названья.
И смерть не имеет названья.
Любовь не имеет названья.
Далёко ушел я из слов –
они лишь предзнаменованья
иль отблески зыбкого знанья –
добро не имеет названья,
неназванным царствует зло.

* * *

О, дум моих развалины,
а не единый храм –
туда-сюда, как маятник,
прикованный к часам.
Мне гирь привычно бремя:
пусть притяженья гнет
невидимое время
от вечности спасет.

* * *

Что грезится слепцу
всем зрячим не постичь.
Слепых очей слезу
не путай с влагой зрячей –
из тьмы она течет...
Хотя и ты почти
не ведаешь, о чем
так непроглядно плачешь.

* * *

Музыка, больше знай –
всем мудрецам назло:
ты перевозанный рай,
где нам не повезло –
каждый тогдашний зверь
набожен был и тих –
ты говоришь теперь
чистой гортанью их.

* * *

Первый осенний снег.
Оседают дома.
И что ни шаг – то след.
И что ни свет – то тьма.
И что ни жизнь – то смерть.
Он еще сам не свой –
первый осенний снег
смешан с живой листвой.

* * *

Один, как перст,
на склоне дней,
один, как песнь,
что лишь о ней,
один, как день –
всяк день один
незнамо где
среди годин.

ИНВЕРСИИ

* * *

К ноябрю вода в пруду вдруг
прояснилась и
глянула окрест прозрачней.
Вышли нагишом,
как утопленники, вязы
отражений из.
И листва под ними слиплась,
словно веки глаз.

* * *

Сосны в синеве и бельма
облачности глыб.
Несмотря на корабельный,
просмоленный скрип,
покачнувшись, словно пьяный
сушей мореход,
бор стоит, навек отпрянув
от балтийских вод.

* * *

Снег завесил угасанье
дачного денька.
Станцией и небесами
пахло. Вспомни-ка:
сумерки и снег сгущали
ощущение –
будто всё еще в начале,
всё еще вчерне.

* * *

Непричастность к речи вязкой –
дар. Голосовые связки
не связуют звук
с провещавшим вдруг:
так заблещет влагой линий
тело лепестка –
из воды, безмозглой глины,
скудного песка.

* * *

Так из праха в прах – по самый
след свой – в небесах –
шли они и отрясали
с ног подножный прах.
Так из праха в прах – по горло
в собственной крови –
безоглядно, робко, гордо
в прах из праха шли.

* * *

Под серебряною дранкой
кровли (блеск – воды),
среди земли, созвездий ранних
над крыльцом, среди
косо поведенных стен и
трав, дерев в окне
с истиною запустенья
жить наедине.

«мы теряем лета наши, как звук»

ПС., 89, 9

Средовечие¹ не душ, а
честной связи той –
душ с телесным их удушьем.
Вяз полуживой:
частью наг он – ветви, почки
высохли в свой срок,
но его связует с почвой
тот же свежий сок.

¹ Средовечие – середина жизни от 30 до 40 лет

* * *

Ярославль. Ростов Великий.
Цвет подобен чей
в горниц сумерки излитой
белизне печей.
Вспомни о сравненьи этом
дома – сквозь стекло
ледяное: там и летом
от церквей бело.

* * *

Расставаться нам
настает пора. В передней,
будто в первый раз, в последний
мы друг друга на
глянем удивленно через
не порог, а рок... Оделись.
Но идти домой
всякому впервой.

* * *

Камень, ты молод, как день, но ведаешь ли,
каменя,
сколько сильнее тебя дряблая рыба вода?

* * *

Косноязычен огонь. Утробно воды бормотанье.
Сколько бесхитростных тайн мы бы
услышали, коль
стало б словами тепло и смыслом исполнилась
влага,
но откровения их – лишь наводнение, пожар.

* * *

Яблоко так далеко от яблони милой упало,
словно свалилось с небес прямо в дорожную
пыль.

* * *

Капли слиток блестит столь отдельно и столь
драгоценно.
Оземь ударился, пав, стал – сырая земля.

* * *

Память о прошлом бледней с каждым
 днем – меж нами и прошлым
нашим – глухая стена – юных незнание
 о нем.

Даже крапива расти вокруг домишек остывших
устала –
выше некуда. Крыш сгорбилась дранка,
и лишь
старожилы-сады еще корчатся в гуще бурьяна;
яблонь старинных кора треснула, вишен
и груш
кроны зачахли. Вдали, мнится, тоже пожухло,
зачахло
небо, лежащее на похолодевших холмах.

БЕЗДОННЫЙ ЧЕЛН

НАТЮРМОРТ

Наставник наш боролся с эстетизмом. Мы малевали под его эгидой картофель, что отечественной почвой обмазан был, как печь, селедку с синим отливом иль ломоть ржаного хлеба – чтоб передать его съестную ноздреватость, мы собирались с нюхом...

«Натюрморт есть вспышка жизни, – говорил учитель, – которая на первый взгляд мертва, как вот эта кружка из ничтожной жести, но, дети, сколько цвета в ней одной: в ней вся зима, все тесное ненастье осенних дней, все серебро застолья изысканного, царского... Да что там! – все серебро безвкусного Ватто».

Тут принимались мы за акварели и с колонковой неуклонной кисти – роскошный дар китайских рикш и кули – поспешно сглатывали цвет или оттенок, чтоб в ту же сырость жизни и бумаги внести другой и дать смешаться им естественно...

В застенке тусклом класса всевластно пахло масляною краской

и растворителем настырным. За окном –
обшиты пышным снегом – театрально
краснели третьяковские хоромы,
очерченные грязной желтизной
Замоскворечья. Как купец, был скуп
декабрьский сумрак по утрам, но все ж он
сгущался в крыши, трубы, колокольни,
в деревья, что росли на кровлях храмов
и наконец устало разрастался
в непоправимый кистью натюрморт
Москвы пятьдесят первого...

Учитель,
не впрок пошел мне ваш урок предметный –
чугун копченой утвари и глина
всех кринок треснувших и патоки потеки
на булках с марципаном, хоть и вкусных,
но приторно бликующих... Вещей
не ощущаю я средь вещей жизни,
а ощущаю, разве, ощущенья
да бьюсь, как в каземате, в тесной мысли,
хотя бы в той – пустой, бездарной, косной,
в которой стыл, как самовар, аморфный
тех лет непроходимый натюрморт.

* * *

Прозрачная маска –
ей нету конца:
сей маски гримаса
не застит лица
живого, но, Боже,
я вижу: оно
гримасою тою же
искажено.

Из леса вышел человек.
Он вышел по-людски.
Лежали плеч его поверх
иголки и листки.
Он был непоправимо сед,
непоправимо рус.
И лес глядел ему вслед
насмешливо, боюсь.

Из леса вышел человек
печальный, как ручей.
В карманах, окромя прорех,
ни денег, ни ключей,
ни паспорта, ни адресов,
ни пропуска – на кой? –
он сам был замкнут на засов
улыбочкой такой.

Из леса вышел человек,
веселый... абы как.
В его котомке – смех и грех –
краюха и табак,
бутылка липкого вина
и книжица о том,
как мы из леса, старина,
и снова в лес идем.

Во глубине колодца
звезда теперь не тонет
среди бела дня. Но вы не
ушли от нас в зенит,
хоть снег вас не коснется
и ветер вас не тронет,
и жребий вас не вынет,
и тьма вас не затмит.

* * *

Оно слетело с уст, и
из первозданных вод
явились слитки, сгустки
первоначальных нот,

и в космосе тенистом
семь дней – ширококул –
пел, наполняясь смыслом,
первоначальный гул.

ГОРАЦИО

Но дальше не молчание, а то,
что нам поведаст Горацио-Вергилий,
как эхо иль как попугай твердивший
за Гамлетом его слова – вопросы
в ответы обращая расстановкой
лишь интонационных ударений,
и в подражании чуть не перешедший
границу жизни – он расскажет 'все
неудовлетворенным: то-то эхо
в потемках станет ухать, словно филин,
иль попугай, изображая трель,
картавить на безумный лад – ведь Гамлет
так хорошо сыграл безумье лишь
по той неизлечимейшей причине,
что был безумен и без представленья –
сам по себе – что ж станет повторять
Горацио в берете виттенбергском,
разумный, как термометр, в котором
температура чуждая снует
то вверх, то вниз?.. (Вот для чего Шекспиру
пришлось пересказать нам все заранее,
использовав кровавый матерьял:
впрок школяру поэт не доверял
дальнейшего молчания...)

...Холодеет матрац.
Всё пустынное в думах и в до́мах.
Теплые уголья глаз
розовеют в бессонной золе.
На том свете у нас
все больше родных и знакомых –
само понятие «аз»
все бессвязнее здесь на земле.

Но зато все то, что здесь
было близко вам,
станет чудом из чудес
неизменным – там.
Не обрушится фасад,
не наскучит скит...
Словно некий верный клад
вечно в вас зарыт.

* * *

Зимою близорукой
украдкой, впопыхах

ты встретишься с подругой
в искусственных мехах
заснеженных задворок
и углядишь тайком
былого лета морок
в лице ее нагом.

* * *

Тайком закрою я глаза,
чтоб увидеть на миг
черты осунувшиеся
и прядь волос нагих,
и трепетание ресниц,
и трепетанье век...
Как много позабыл я лиц
на миг, потом навек.

Блудниц ли лица иль страдалиц —
в былые дни, в былые дни
под маской юности скрывались
от нас неведомо они.
Но и теперь их суть едва ли
случайную мы различим,
когда глядят из-под вуали
своих смеющихся морщин.

* * *

Она бесхитростно одна,
она бесхитростно одна,
она бесхитростно одна
в миг сокровенный тот
когда, когда, когда она
зажмурится и ждет.

* * *

Предательство – род вожделенья
мужского. Женщинам оно
стыдливым – по определенью,
по сути их – не суждено:
хоть предадут, но тем не меньше
давно никто не предан тут:
коль предадут, то лишь забвенью
вас женщины, коль предадут.

* * *

Удел летучей мыши:
в тисках ночных округ
все мечется, и слыше
ей дан лишь зрячий звук.
А днем среди вечной грязи
в звучанья кладовой
она, подобно фразе,
висит вниз головой.

* * *

Без значенья помолчим,
словно камень скинем с плеч —
ты, кручина, не кручинь,
ты, переча, не перечь.
Это мы на склоне дней,
словно миг один, одни —
ты, желанье, не жалей,
ты, сомненье, не сомни.

* * *

Был воздух млад. Был молод
удел наш. Словно дым
висел над нами город
огромный. И над ним
летали птицы áло,
лилово и пестро,
и каждая роняла
бескрылое перо.

* * *

Кто к людям безоглядно
измлада был влеком,
кто собственные пятна
в них не искал тайком,
того предаст товарищ,
тот станет нелюдим
под старость, как пожарищ
охолонувший дым.

* * *

Остается надеяться лишь
на созвучий безлюдную тишь,
на деревья – дай Бог им ветвей –
на приземистость псковских церквей,
на печной изначальный огонь,
на друг друга родную ладонь
и на небо, где – с веком не в лад –
только птицы да звезды летят.

* * *

Кровавая зелень
осеннего дыма
и неба высокого
стог.
И то, что прекрасно,
то необратимо,
как зелени красный
листок.

НОЯБРЬ

Пусты конурки дач.
Участки кривобоки.
Прозрачны сучья, сроки.
И воздух гол, бродяч –

в штакетниках густых,
заборных сетках. Это –
весь скрип калиток лета
на ржавых петлях стих.

Твоих пустот, зима,
уже пустуют знаки:
бездомные собаки,
безлюдные дома.

До срока, хоть сама
уже почти приспела,
сорокой черно-белой
прикинулась зима.

И стала настом слизь
ухабов, ям дорожных –
в нем свежесаморожен
антологичный лист.

Лес хвойным стал. И пуст
в его сырых отрогах
столбов четвероногих
высоковольтный путь.

Всё – в одиночку, врозь
и коль оттаял иней,
алеет на рябине
несклеванная гроздь.

Так в солнышке косом
ноябрьских дней бесславных
мы шли нарезать лапник
с моим живым отцом.

* * *

В век аббревиатур
объятия короче,
короче дни и ночи,
веревочка и шнур.

И над тобой, земля,
над прорвою финалов,
мы, как инициалов
сплетались вензеля.

Трудолюбивых ангелов крыла
помяты и изгвазданы. Их лики
черны от копоти, как черные дела.
Отчетливей на черном пота блики.
Прозрачные эфирные тела
реальной плоти. Молодые длани
опутаны узлами синих вен.
Кистей суставы сбиты. И колен
бугры уродливы. А кудри слиплись. Тлен
уже коснулся душ бесплотной ткани.
В очах потухших – отблески геенн.

Остались от восстаний –
лишь лозунгов слога,
раскурки от воззваний
да митингов лузга.

Все в стоге, как иголки,
все неясны извне –
везде лежат осколки
лорнетов и пенсне.

И сам народ обратно
на Невском, на Тверской
присыпал крови пятна
подсолнечной лузгой.

Плевки да харки. Конский
навоз. Да сена клок.
И гильз тупые конусы
скатились в водосток.

Я на опилки хлеба,
безмозглый самогон
меняю перстень, либо
фамильный медальон.

* * *

Нет, не стать мне конформистом,
дорогой товарищ.

Чистый, чтобы подкормиться,
звук не отоваришь.

Мне не петь в народном хоре
лихо, разудало:

«Во Содоме, во Гоморре
девица гуляла...»

* * *

И в Запсковье — закат.
И в Завеличье — вечер.
(Ко вѣчере звонят
среди бела дня.)
Уже сошел народ
со службы — спины, плечи —
над ними восстает
оплот Кремля —

прозрачный силуэт
сих башен, стен высоких —
пройти его иль нет
насквозь? Гляди:
все по местам своим —
Никола со Усохи,
Василий, Михаил,
а впереди —

углы на склоне дня
Козьмы и Дамиана,
храм Богоявленья —
сей сколок лет,
и звонницы фасад
могуч. Хоть ночь, но рано:
и в Запсковье — закат,
и в Завеличье — свет.

* * *

А Великая река –
она как велика? –
как великое терпенье –
застоялись берега.
Как Псковá-река одна
до слияния видна? –
как великая усталость –
еле пóднялась со дна.
Как Мирожки-от
ручеек течет? –
как великая погибель –
мельче собственных болот.

* * *

А Великая река,
хоть мала, да велика.
А Пскова-река лежит
тише стеклышка.
А и Кремль между них
не ворохнется стоит.
Перед тем, как стечься им,
встал Предтечи храм –
встал Ивановский собор:
три креста, один запор.

* * *

Тиха Псковá – и рыба не плеснула,
и камня в реку дикую не бросил
никто, а все идут по алой глади
круги, круги, как кольца на надрезе
древесного ствола иль отпечатки
незримо чьих, но осторожных пальцев.

(КРОМ¹. ПРИКАЗНЫЕ ПАЛАТЫ)

Приказного крыльца изломы
на столбах бочковатых, тучных –
точно змей из палаты выполз –
многолапый, нелепый – трижды
изогнулся и грозно замер,
затаивши дыханья тяжесть,
дыбом дерево кровли встало
чешуи булатной подобьем – ишь:
подавитель и пожиратель,
страшный рыночный змей-горыныч.

¹ Кром – псковское укромное название Кремля.

* * *

Звонница Вознесения
Нового всё возносится
и что ни день, то сызнава
над церковкой укромною,
над тучей, и молчание
ее пролетов ярче лишь,
синее, оглушительней
без колокольной окиси,
что зеленой окрестного
нашего лета красного.

* * *

Купол Спас-
Преображенья.
Сколько яви
в нем слилось:
капля меди,
капля меда,
капля крови,
капля слез.

* * *

Как под травами – коренья,
таковы и подцерковья.
Как приход сошелся верный,
так сомкнулся четверик.
Как недвижно крыл паренье,
так застыл разлет притвора.
Как при матери младенец,
так при церкви – бел-придел.
Как дыханьице невзрачно,
так абсиды воздыхают.
Словно царь сошел со службы,
таково во храм крыльцо.
Каково родство укромно,
так под кровлей закомары
византийскою высокой
даже бровью не ведут.
Чем на небе птиц поболе,
тем и кровля многоскатней.
Век себя кругом обходит
по-над кровлей барабан,
как обходит крестным ходом
белый храм народ пасхальный.
Как следы в снежок запали,
так под куполом – узор.

Каково свисает капля
долго с облака благого,
таковы и налитые
эти капли-купола.
Как в золе огонь остался,
так и в гонте – огонь древесный.
Как над реками – стрекозы,
так над церквами – кресты.

* * *

А какво теням вольготно –
вечерним, утренним и днёвным –
на этой извести церковной,
на сей блаженной кривизне –
округло, угловато, прямо,
устойчиво или покато,
то выпукло, то углубленно,
то высветленно, то темно,
то явно слишком, то уютно,
укромно, потаенно или
прозрачно, призрачно ли – словом,
различно – замечательно!

А как они дышат? –
как будто не камень, а мех
кузнечный. Гори же,
сиянья алтарного горн.
И камня прохладу
вдыхай же, сияние всех
свечей и окладов
и ликом в глубинах икон.

А как же пустует
теперь эта кузница их
и пьет вхолостую
дыхание ветхих мехов?
Вино или млеко? –
чем храм пустовавший налит –
нет, эхом, как некой
он влагой налит до краев.

* * *

Серебрится, яко
райская змея –
кровельная дранка –
гонта чешуя –
хоть и не сторело
дерево дотла,
стало его тело
серым, как зола –
будто пламя съело,
а память сберегла.

* * *

Пусть проста простота,
но хитра:
до нее, как от зла
до добра.
В том секрет мастерства
сих церквей,
что добро проще зла,
хоть трудней.

* * *

Кабы звезды виделись
среди бела дня.
Кабы храмы ставились
сами в одну ночь.
Кабы пели звонницы
без колоколов.
Кабы вера верилась
сама по себе.

МГНОВЕНИЯ ОКА

* * *

Вот изнанка взрывов грозных:
в узкий берег моря ширь
ткнется, и, взлетев на воздух,
море лопнет, как пузырь.
Волн разгладится неволя –
вот волнения итог:
пены перекаати-поле
и беспочвенный песок.

* * *

Произволом бурных волн,
зыбью ли обманной,
сталкивая небосклон,
как с песка баркас –
глубиной отечною,
тучей ли, туманом
море бесконечное
движется на нас.

* * *

Шторм: вывернуто море наизнанку.

Шторм: море расплзается по швам.

Шторм: снова в обреченную атаку
идти и небосводу и волнам.

В рядах воды тяжелое брожение,
и на поверхность выброшено дно.

Шторм: бешенство бескрайнего движенья,
что на пустой застой осуждено.

* * *

Запредельность света.
Пляжа гаснут дали.
Наши силуэты
столь прозрачны стали,
чтоб исчезнуть вскоре
в звездном многоточье
у подножья моря,
у подножья ночи.

* * *

Отнерестился тополь. Лип
цветение отпахло.
Цикорий светится, раскрыв
полдневный серый глаз.
И сорняки так велики:
на них, как на деревья,
саются воробьи, едва
покачивая их.

* * *

В предосенних елях,
в предосенних соснах
птицы – те, что пели –
замолчали вовсе
в июле – в начале
осени безбрежной.
А те, что кричали,
те кричат, как прежде.

ВПЛОТЬ

Памяти Владимира Кормера

* * *

Стволы берез, как свитки:
невнятен нам с тобой
сей грамоты-улитки
подтекст берестяной,
и только ветер броский
читает – грамотей –
сырых ветвей наброски,
каракули ветвей.

* * *

Уж туч октябрьских толща
полна ноябрьской мглой.
Неслышнее и тоньше
листвы истлевший слой.
Просвет так мал у суток,
и меркнет суета,
и зажигает сумрак
дерев своих цвета.

* * *

Не свищет постовой.
Шипенье шин все глуше.
Что слышат в час ночной
имеющие уши?

Вот садик, вот цветник,
вот улочка, вот дом их,
вот яма для слепых,
друг дружкою ведомых.

Махровые маки, черемухи ль дымный Эдем,
иль черные розы, забытые нами
высокие гроздя голландских ручных
гербарий гербёр иль нарцисс, или крокус
тюльпаны, раскрывшие клювы, весь этот
прими от меня и от времени мглы
в пельменной,
хризантем,
подземный,
гарем –
незабвенной.

* * *

В войны последней
лихое время
своею смертью
никто не умер,
но все погибли –
герои, трусы –
и даже те,
кто в живых остался.

ИЗ СИНГА

Поэт ирландский, словно брата,
обнявши дуб знакомый, вдруг
заметил сколь зеленовата
под летней кроной кожа рук
и другу рек: «Из твоих досок
мне выстроят крепчайший дом,
но я возьму дубовый посох
и выйду из твоих хором».

* * *

Сила ли, слабость, облик, лик –
мы коренимся в нас самих –
суглинок или чернозем
нам нипочем – в себе несем
мы тот поток, что перейти
попробуй обреченно ты:
вот уж по пояс, вот по грудь
системы кровеносной глубь.

* * *

Пусть погорячившись,
мы охлаждаем вдруг
навсегда друг к другу,
подружки, товарищи,
все же есть тепло в нас
и в бешеной стуже вьюг,
потому что «Бог наш
есть огонь посядающий».

Течет вода, но отраженье
на ней недвижно. Жизнь и есть
воды подспудное движенье
куда-невесть, куда-невесть.
А что же дальше, Бога ради,
скажи? – За треском тростников –
недвижный взор озерной глади,
и в нем – движенье облаков.

* * *

Поначалу лишь обрядом скорби
кажутся нам смерти годовщины,
а чуть позже – юбилейным лаком
лессируется о близких память, словно
удаляются от нас они, но после
если хватит незаметной жизни,
в праздник превратятся эти даты,
оттого ль, что с каждым годом ближе
мы к ушедшим, оттого ль что в смерти
глиняной и вправду мы не видим,
но предчувствуем рождение второе.

* * *

«Благо очима
зрети солнце»,
благо в отчизне
жить как дома,
благо: ночью
сомлев, наутро
проснуться вновь
для вечной жизни.

* * *

До нага обобраны
у своего ж порога
оскверненные извне
равно как изнутри
церкви заблудившиеся
стоят одиноко
на обочинах дорог,
по которым шли.

* * *

Они идут ко Мне
не сердцем, а устами,
за псевдо словесами
сердце их суть извне –
далёко где-то. Для
Меня их вопль несносен.
Но тщетно чтут Меня.

(Матф. 15, 8.)

* * *

Ясность это – тайны
затемненье,
а не антипод
бездонной тьмы.
Слишком полагались
мы на разуменье,
слишком полагались
на безумье мы.

* * *

Так пышут златом купола,
холодным пышным златом,
так снежна даль сгорит дотла,
сожженная закатом –
так на устах не крови вкус –
потерянного рая –
что испытал терновый куст,
горевший не сгорая?

* * *

Забвения лед,
словно зеркала гладь,
глядит лишь вперед –
не оглянется вспять:
из лжи отраженья
не надо, поверь,
ломиться в забвенья
ОТКРЫТУЮ дверь.

Довольно дури! –
поеду к морю –
поймаю в нем
золотую рыбу,
все тайные
ей повем желанья
и с миром в дом
возвращусь утешен:
в пучину канула
моя тайна,
как будто камень
немой, как рыба –
как ни реви,
ни рычи пучина
молчит в тебе
моей рыбы тайна!

* * *

Осень. Вечер не медлит.
С наступленьем тьмы
даже звуки померкли,
потускнев, как огни,
когда вокруг излученья
стало вправду темно.
...Что ничтожней отчаянья,
коль ничтожно оно?

* * *

Скажи, Бога ради,
вдруг бывшего лед
не растаял сзади,
а уплыл вперед,
и в грядущем только
дней прошедших наст
предательски тонко
поджидает нас.

* * *

Стена стволов,
кустов ли прутья.
Обрывки слов.
Обрывы круч.
И коль не путь –
хоть перепутья
дай, Боже, пустошью
не мучь.

* * *

Ведет назад
и вперед этот путь —
тепла и хлада
единая ртуть —
то-то поднесь
вы друг другу верны,
песни невинности,
песни вины.

* * *

То-то зима натекла:
ни холода, ни тепла,
ни тепла, ни холода,
ни коня, ни повода,
ни повода, ни узды,
ни постоя, ни езды,
ни езды, ни ездока –
лишь дорога глубока.

Содержание

Времени невидимая твердь

«Вспыхнет молния одна...»	3
Дубы.....	4
Водопад в Черкесской долине.....	5
Времени невидимая твердь.....	6
Август	7
«А русые метели...»	8

Удел

– «Крепчайшую вяжите сеть...».....	9
Детство	10
«Покой? Запомни хоть такой...»	11
«На жалком теле фитилек...».....	12
«Волн качаются весы...».....	13
«Бездонный дождь на улице бездомной...».....	14
«В Перове стояли дымы...».....	15

Воспоминания о смерти

1. Воспоминания о смерти

«Вне душ. Вне вех. Прошел тот век...»	16
«Наш век жесток и в верованьях крут...».....	17

«Я бы жил совсем иначе...».....	18
«В продолжении рода спасенья себе не ищи...».....	19
«Когда на вас навалится зима...».....	20
«Вот и снесли тебя, вот и снесли...».....	21
2. Полуслово	
«Жил да был боярышник...»	23
Снегопад.....	24
«Нет, лучше уж октябрь...».....	25
«Царского Села рисованная арка...»	26
«Летней ночью все невнятно...».....	27
«Ночью город сам не свой...»	28
«В ночи колыхалась гроза...»	29

Воспоминания о сущем

«Научусь тебе, мгновенье...».....	30
«Ты прости моим словам...».....	31
«И вдруг она покинула меня...».....	32
«Не заходите в березняк...».....	33
«Столько нежности сжалось во мне...».....	34
«А если вправду только грусть...».....	35
«Твое дыхание все призрачней и тише...».....	36
«Тяжелый снежный лес...»	37
«Быстро блекнут зим покровы...».....	38
«Если все открылось разом...».....	39
«В ней спокойствие есть молодое...».....	40
«Ты умеешь чувство придержать...».....	41
«Мне хочется не красоты пустычной...».....	42
«А в женской мысли, нежной и незрячей...».....	43
«Случись со мною сказка...»	44

Солнцестояние

«Мы поедем без билета...».....	45
«Летом из холодной печки...»	46

«Только летом, только летом...».....	47
«Деревьев новые овины...».....	48
«Был ли каждый Божий миг...».....	49

Пылающее очертанье

«Гасите верхний свет – и со стекла...».....	50
«Не глупая игра в лото...».....	51
«Сгорела ветвь дотла...».....	52
«Выходи на воздух вешний...».....	53
«Это легкость паденья...».....	54
«Декабрьский снег – напоминанье...».....	55

Во спасенье

1. Во спасенье

«А ты, мой ангел во плоти...».....	56
«Я женщину эту люблю, как всегда...».....	57
«Тоньше, тоньше жизнь с годами...».....	58
«Потаенную жестокость...».....	59

2. Живая ограда

1. «У всякого – своя полынь...».....	60
2. «Прощай, шиповник и жасмин, и навсегда...».....	61
3. «Живая ограда...».....	62
4. «Провал и безопорье и дыра...».....	64
5. «Мы вновь приедем в этот дом...».....	65
6. «Деревьям ли мерещится война?...».....	67
7. «Тропинка малая в клубничной толкотне...».....	68
8. «В лесу сиротливом...».....	69

Мне кажется, душа

«Бывает всякое: сентябрь бывает, май...».....	71
«На этой теплой травянистой льдине...».....	72
«Был последний летний день, и оттого...».....	73

Постоянство	74
Я научился плавать.....	75
Полночь бьет.....	76
Три стихотворения	
1. «Где леса осенние не добры, не злы...».....	77
2. «Печь топите вечером, когда в окне синё...».....	78
3. «Именно поэтому: языком костра...».....	79
Мне кажется, душа.....	80

Баста

Что ж тот чудак.....	81
Птицелов	82
Восход солнца	84
«Страшись однажды в душу к ней войти...».....	85
«Не век глядеть нетленно...».....	86
Молчанье	87

Речитатив

«Сам сынка одного лишь нажил...».....	89
«Отдайте море всем ветрам на слом!..».....	90
«Эллада. Первое виденье...».....	91
«Гляди того потонем...».....	92
«Из-за тебя мы погубили град...».....	93
«Пусть звучанье будет хоть легким...».....	94
«Бороды твоей монисто...».....	95
«Бесплотно время, говорят...».....	96

Помолвка

«Близ слез, близ вереска, близ часк...».....	97
«Обкатанный веками...».....	98
«Гудят в клавишине...».....	99
«Безбрежна надежда...».....	100

«Миг солнечного вечера...»	101
«Весною тают ангелы...»	102
«Берег побелел, иссох...»	103
«Тяжел июльский пух...»	104
«Зима не имеет названья...»	105
«О, дум моих развалины...»	106
«Что грезится слепцу...»	107
«Музыка, больше знай...»	108
«Первый осенний снег...»	109
«Один, как перст...»	110

Инверсии

«К ноябрю вода в пруду вдруг прояснилась...»	111
«Сосны в синеве и бельма...»	112
«Снег завесил угасанье...»	113
«Непричастность к речи вязкой...»	114
«Так из праха в прах – по самый...»	115
«Под серебряною дранкой...»	116
«Средовечие не душ...»	117
«Ярославль. Ростов Великий...»	118
«Расставаться нам настает пора...»	119

Охота на эхо

«Маки-калмыки, орда панмонгольских алых тюльпанов...»	120
«Камень, ты молод, как день, но ведаешь ли, каменя...»	121
«Если бы заговорить посмели деревья – корявой...»	122
«Косноязычен огонь. Утробно воды бормотанье...»	123
«Вой, мычанье ли – звук безглагольный, слепой от рождения...»	124
«Яблоко так далеко от яблони милой упало...»	125
«Капли слиток блестит столь отдельно и столь драгоценно...»	126

«Память о прошлом бледней с каждым днем...»	127
«Даже крапива расти вокруг домишек остывших устала...»	128
«Бел младенец, как пух. И юноша смугл, словно галька...»	129
«Вечностью ли отдаёт сновидений дикая точность?...»	130

Бездонный челн

Натюрморт.....	131
«Прозрачная маска...»	133
«Из леса вышел человек...»	134
«Во глубине колодца...»	135
«Оно слетело с уст...»	136
Горацио	137
«...Холодеет матрац...»	138
«Но зато все то, что здесь...»	139
«Зимою близорукой...»	140
«Тайком закрою я глаза...»	141
«Блудниц ли лица иль страдалиц...»	142
«Она бесхитростно одна...»	143
«Предательство – род вождельня...»	144
«Удел летучей мыши...»	145
«Без значенья помолчим...»	146
«Был воздух млад. Был молод...»	147
«Кто к людям безоглядно...»	148
«Остается надеяться лишь...»	149
«Кровавая зелень...»	150
Ноябрь	151
«В век аббревиатур...»	153
«Трудолюбивых ангелов крыла...»	154
«Остались от восстаний...»	155
«Нет, не стать мне конформистом...»	156

При слиянье

«И в Запсковье – закат...».....	157
«А Великая река...».....	158
«А Великая река...».....	159
«Тиха Псковá – и рыба не плеснула...».....	160
(Кром. Приказные палаты).....	161
«Звонница Вознесения...».....	162
«Купол Спас-Преображенья...».....	163
«Как под травами – коренья...».....	164
«А каково теням вольготно...».....	166
«А как они дышат?...».....	167
«Серебрится, яко райская змея...».....	168
«Пусть проста простота...».....	169
«Кабы звезды виделись...».....	170

Мгновения ока

«Вот изнанка взрывов грозных...».....	171
«Произволом бурных волн...».....	172
«Шторм: вывернуто море наизнанку...».....	173
«Запредельность света...».....	174
«Отнерестился тополь. Лип...».....	175
«В предосенних елях...».....	176

Вплоть

«Стволы берез, как свитки...».....	177
«Уж туч октябрьских толща...».....	178
«Не свищет постовой...».....	179
«Махровые маки, черемухи ль дымный Эдем...».....	180
«В войны последней...».....	181
Из Синга.....	182
«Сила ли, слабость, облик, лик...».....	183
«Пусть погорячившись...».....	184

«Течет вода, но отраженье...»	185
«Как в детстве я любил бродить по кладбищу, что ря- дом...»	186
«Поначалу лишь обрядом скорби...»	187
«Благо очима...»	188
«Донага обобраны...»	189
«Они идут ко Мне...»	190
«Ясность это – тайны...»	191
«Так пышут златом купола...»	192
«Забвения лед...»	193
«Довольно дури!...»	194
«Осень. Вечер не медлит...»	195
«Скажи, Бога ради...»	196
«Стена стволов...»	197
«Ведет назад...»	198
«То-то зима натекла...»	199

Величанский Александр Леонидович
ВРЕМЕНИ НЕВИДИМАЯ ТВЕРДЬ
Стихотворения

Редактор В. В. Нежданов
Художник А. М. Панин
Художественный редактор В. В. Покатов
Технический редактор Г. А. Иванова
Корректор Г. В. Селецкая

Издание подготовлено к печати
по автоматизированной редакционно-издательской
технологии на персональных ЭВМ
Операторы: Аблизина Г. П., Воробьева О. Н.,
Иванова Г. А.

ИБ № 5706

Сдано в набор 04.06.89. Подписано к печати 04.12.89. А 03021 Формат
70х90/32. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная
№ 2. Усл. краск.-отг. 15,29. Усл. печ. л. 7,61. Уч.-изд. л. 3,22.
Тираж 10000 экз. Заказ 81. Цена 30 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 445043.
г. Тольятти, Южное шоссе. 30

**В выходных данных следует
читать: Цена 35 коп.**

35 коп.